

УДК 398.22(=512.157)(571.56-37)
DOI 10.25587/SVFU.2022.31.21.003

А. А. Кузьмина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА БЫКА В ОЛОНХО ВИЛЮЙСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Традиционная семантика образа быка в якутском фольклоре, в т. ч. героическом эпосе, выражает в основном отрицательные коннотации, относящиеся к *абаасы* – враждебным существам для людского племени. Актуальность статьи обусловлена тем, что трансформация образа быка в якутском эпосе не становилась объектом специального изучения, и исследования в этом направлении позволяют выявить не только изменения поэтики, но и локальные особенности олонхо. Новизна исследования состоит в том, что впервые исследуются изменения традиционного образа быка в устной традиции якутов, в частности олонхо, с более широким охватом фольклорного и этнографического материала. Цель исследования – изучение трансформации образа быка в якутском героическом эпосе, в частности олонхо вилюйской эпической традиции. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определение семантики традиционного образа быка в мифологических и эпических текстах, в т. ч. в авторских текстах олонхо; выявление особенностей в образе быка – сына богатыря олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар». В работе использованы методы сравнительно-сопоставительного изучения, структурно-семантического, функционального анализа. Установлено, что со временем начали появляться некоторые изменения, трансформации в образе быка, связанные с локальными особенностями, угасанием эпической традиции, сильным влиянием шаманизма, усилением импровизации у отдельных сказителей и др. Как показывает проведенное исследование, этот процесс происходил постепенно, начиная с того, что в некоторых эпических текстах бык выступает ездовым животным богатыря из племени *айыы аймага*, главный герой превращается в быка и, наконец, богатырь рождается в облике быка. Выявлено, что зоо/орнитоморфные богатыри из племени *айыы аймага*, зачатые и рожденные в необычных условиях, находятся в промежуточной прослойке образов и лишены многих привилегий, доступных главным героям; что в некоторых авторских произведениях на основе олонхо традиционная фольклорная семантика быка полностью меняется, уступая рациональному, бытовому видению мира. Перспектива данного исследования видится в дальнейшем изучении семантики других зоо/орнитоморфных персонажей олонхо с привлечением более широкого материала.

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо; образ быка; образ мамонта; семантика; трансформация; вилюйская эпическая традиция; зооморфный персонаж; мифопоэтическая картина мира; семантическая оппозиция коня/быка; авторское олонхо.

Благодарности: Выражаю благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

КУЗЬМИНА Айталига Ахметовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия. ORCID ID: 0000-0001-7051-900.

E-mail: aitasakha@mail.ru

KUZMINA Aitaliga Akhmetovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. ORCID ID: 0000-0001-7051-900.

E-mail: aitasakha@mail.ru

A. A. Kuzmina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch
of the Russian Academy of Science

Transformation of the bull image in the Vilyui epic olonkho tradition

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that the transformation of the image of the bull in the Yakut epic has not become the object of special study, and research in this direction makes it possible to identify not only changes in poetics, but also local features of olonkho. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the changes in the traditional image of the bull in the oral tradition of the Yakuts, in particular the olonkho, are studied, more widely covering folklore and ethnographic material. The purpose of the study is to investigate the transformation of the image of the bull in the Yakut heroic epic, in particular the olonkho of the Vilyui epic tradition. To achieve the goal, the following tasks were set: determining the semantics of the traditional image of the bull in mythological and epic texts, including the author's texts of olonkho; identification of features in the image of the bull – the son of a hero in the Karataev's olonkho *The Bogatyr Tong Saar*. The work uses methods of comparative study, structural-semantic, functional analysis. Thus, the traditional semantics of the image of the bull in Yakut folklore, including the heroic epic, expresses mainly negative connotations related to *abaahy* – hostile creatures for a human tribe. However, over time, some changes began to appear, transformations in the image of the bull, associated with local features, the extinction of the epic tradition, the strong influence of shamanism, increased improvisation among individual storytellers, etc. As we have considered, this process occurred gradually, starting with the fact that in some epic texts, the bull acts as a mount for the bogatyr from the Aiyg Aimaga tribe, the main character turns into a bull, and, finally, the bogatyr is born in the form of a bull. It was revealed that zoo/ornithomorphic heroes from the Aiyg Aimaga tribe, conceived and born in unusual conditions, are in the intermediate layer of images and are deprived of many privileges available to the main characters. It was determined that in some author's works based on olonkho, the traditional folklore semantics of the bull completely changes, yielding to a rational, everyday vision of the world. In the further study of the semantics of other zoo/ornithomorphic characters of the olonkho with the involvement of a wider material, the prospect of this study is seen.

Keywords: Yakut heroic epic olonkho; image of the bull; image of the mammoth; semantics; transformation; Vilyui epic tradition; zoomorphic character; mythopoetic picture of the world; semantic opposition horse/bull; author's olonkho.

Acknowledgements: Author gratitude to Shared core facilities of the Federal Research Center 'Yakutsk Science Center SB RAS' for the opportunity to conduct research on the scientific equipment of the Center under grant No. 13.SCF.21.0016.

Введение

Якутский героический эпос характеризуется устойчивой системой образов. Однако все же выявляются некоторые изменения, появившиеся в результате естественных процессов эволюции жанра олонхо, своеобразия локальных традиций, угасания эпосотворчества. Традиционный образ быка в якутском эпосе, имеющий отрицательную семантику, претерпел изменения в вилуйской эпической традиции, для которой особенно характерны некоторые сдвиги. Актуальность статьи заключается в том, что трансформация образа быка в якутском эпосе не стало объектом специального изучения, и исследования в этом направлении позволяют выявить не только изменения поэтики, но и локальные особенности олонхо.

Цель исследования – изучение трансформации образа быка в якутском героическом эпосе, в частности вилуйской эпической традиции. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определение семантики традиционного образа быка в мифологических и эпических текстах, в т. ч. авторских текстах олонхо; выявление особенностей в образе быка в олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар». Новизна исследования состоит в том, что впервые исследуются изменения традиционного образа быка в устной традиции якутов, в частности олонхо, с более широким охватом фольклорного и этнографического материала.

Материалом исследования послужили тексты якутского эпоса [1; 2; 3; 4; 5; 6], в особенности олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» [7], «Сюжеты якутского олонхо» Н. В. Емельянова [8], данные академических словарей [9], фольклорных сборников [10]. В работе использованы методы сравнительно-сопоставительного изучения, структурно-семантического, функционального анализа.

Семантика образа быка в мифологических и фольклорных текстах якутов

В фольклоре и мифологии народа саха образ быка занимает одно из значимых мест наряду с образом коня, что, безусловно, связано с традиционным занятием якутов – скотоводством и коневодством. Прослеживается семантическая оппозиция быка и коня в олонхо, сказках-мифах, легендах, песнях. Л. Л. Габышева выявила, что конь имеет положительное значение в мифопоэтической картине мира якутов, являясь ездовым животным племени людей *айыы аймага*, олицетворяя лето, южное солнечное направление неба; а бык, наоборот, служит зооморфным символом зимы, севера [11, с. 25]. В этой связи можно упомянуть сказку мифологического характера «Жеребец и бык», где противопоставлены конь и бык в споре о продолжительности лета и зимы.

Отрицательная семантика образа быка наиболее ярко проявляется в мифологическом персонаже быка зимы (*Дьыл оҕуһа*), с ежегодным выходом которого из Северного Ледовитого океана, по представлениям якутов, связано наступление страшных холодов. В якутском календаре отмечаются дни, когда отламываются рога и голова этого быка, означающие отступление зимних морозов [12, с. 199; 13]. Г. У. Эргис отмечал, что этот персонаж, занимая особое место среди духов-*иччи*, олицетворяет «ничем не отвратимую стихию» [14, с. 123–124].

Некоторые ученые связывают образ быка с мамонтом, останки которого до настоящего времени часто обнаруживаются в Якутии. Якуты считали бивни мамонта рогами духа-хозяина воды – водяного быка (*уу оҕуһун муоһа*) [14, с. 123; 12, с. 198]. По мифологическим воззрениям якутов, покровителем конного скота является божество Джэсэгэй, обитающее в Верхнем мире, а покровительницей рогатого скота является Ынахсыт Хотун, живущая «на земле на востоке, где восходит солнце», и «первые коровы вылезли из воды, были пойманы людьми и приручены ими» [14, с. 123]. При описании духа-хозяйки озера Кюбэй Баай Хотун упоминается ее пестро-голубой бык (*Күөх эбириэн оҕустаах*) [15, с. 137]. Таким образом прослеживается связь рогатого скота с землей и водной стихией. Л. Л. Габышева обратила внимание на то, что обряды вилюйских и верхоянских якутов, посвященные Ынахсыт, проводились в зимнем помещении (*кыстык*) [11, с. 25–26], что также показывает связь образа рогатого скота с образом холода.

В образе божества Улуу Тойона (Великого или Грозного Господина), который может принимать облик черного быка или жеребца, громадного медведя или лося, проявляется противоречивая семантика, позволяющая исследователям отнести его и к божеству, и к чудовищам-*абаасы* [14, с. 128–129]. По В. С. Костырко, такая двойственность характерна для «персонажей-медиаторов», сочетающих в себе корреляты оппозиций «конный/рогатый скот», «айыы/абаасы» и «жизнь/смерть» [16]. Следует отметить, что имя его жены Буус Джалкыйа Хотун («Ледяная Госпожа с развалистой походкой») связано с семантикой холода. А один из девяти его детей Ньанди Дьянгха покровительствует телятам и маленьким детям [17, с. 562].

В то же время необходимо учитывать и тот факт, что монголоязычные предки якутов поклонялись божеству Хоро, «зооморфным воплощением которого был образ быка-пороза», и при строительстве юрты под матицу клали его деревянное изображение [18, с. 156]. Известно, что образ быка Буха-нойон баабай («Бык господин батюшка»), который считается териоморфным прародителем булагатов, очень значителен у западных бурят и обладает положительной семантикой [19, с. 3].

Кроме того, в фольклорных текстах образ быка используют при обозначении чего-либо огромного, сильного, громко ревущего, медленного, свирепого, важного, страшного и др.

Например, при описании вины большой степени используют фразеологическое выражение: *Ат тарпат айыыта, оѳус тарпат буруйа* [9, с. 219] ‘Трех, который не вытянуть лошади, вина, которую не вытянуть быку’ [пер. автора]. Во многих якутских загадках используют метафору быка для отгадки сильного грохота грома, ледохода, колокола, гудка парохода, например: *Улуу дойду оѳуһа мөнгүрүүр үһү* ‘Говорят, великой земли бык-пороз мычит-ревет’ [10, с. 50]. Медленный черепаший ход сравнивают с шагом племенного быка-осеменителя и беременной женщины: *Атыыр оѳус алтаҕа, хат дьахтар хаамыыта* [9, с. 219] ‘Медлительная поступь быка-осеменителя, шаг беременной женщины’ [пер. автора]. Агрессивность быка сравнивается со свирепым характером господина – *Күрэнг оѳус күрдьүөттээтэҕинэ, бытырыыстаах барыта ибигириир* [10, с. 217] ‘Когда рыжий бык свирепствует, то в лохмотья одетые дрожат’ [10, с. 217], кузнечными мехами – *Күрүнг оѳус уотунан айаатыыр үһү* [10, с. 291] ‘Говорят, серый бык огонь из себя изрыгает’ [10, с. 291]. Употребляя прием преуменьшения, внешнему виду быка уподобляют различных насекомых: о пауке и паутине – *Сир-халлаан икки ардыгар улуу оѳус баар үһү* [10, с. 110] ‘Между небом и землей великий бык есть, говорят’ [10, с. 110]; о вши – *Ыккый ойуур иһигэр алта атахтаах оѳус сылдыар үһү* [10, с. 110] ‘Говорят, в густом лесочке шестиногий бык расхаживает’ [10, с. 110]; о таракане – *Улуу дойду оѳуһа кыһыл көмүс куйахтаах үһү* [10, с. 108] ‘Говорят, бык великой земли золотую броню имеет’ [10, с. 108], *Алта атахтаах, муостаах, кынаттаах, сылгы диэхтэн сылгыттан атын, ынах диэхтэн ынахтан атын, мөһөөк диэхтэн мөһөөктөн атын* [10, с. 109] ‘Шестиногий, рогатый, крылатый, конь не конь, корова не корова, мешок – не мешок’ [10, с. 109].

Традиционная семантика образа быка в якутском героическом эпосе

В якутском героическом эпосе очень значительна роль коня, нежели быка, что связано с вышеуказанными мифологическими представлениями [20; 21]. Во многих эпических формулах в составе ритмико-синтаксического параллелизма встречается пара «конь–бык», обозначая богатство, благополучие, цельность: *Бүтэй туйахтаах бүдүрүйбэт, / атырдьах атахтаах аралдьыйбат* [2, с. 171] ‘Цельные копыта имеющие не спотыкаются, / развилистые ноги имеющие не отвлекаются’ [пер. наш], *Соноѳос атыыр кистиир, / кунан оѳус мөнгүрүүр* [2, с. 193] ‘Молодой жеребец ржет, / молодой бык трех-четырёх лет мычит’ [пер. наш]. Как и в малых жанрах фольклора, большой размер какого-либо предмета уподобляется быку: *Өбүрүмэр оѳус саҕа / Үлэнниии сүүрбүт үөннээх* [6, с. 226] ‘где величиной с быка четырехтравного / гады вприскочку носятся’ [6, с. 227].

Сила и мощь быка представлены в сравнительном описании богатырской битвы: *Үс түүннээхкүнү мэлдьи, / Сүүлүн саҕанааѳы сүнгкэн атыыр оѳус курдук, / Түсүһэн бэрсибэккэ, / Төгүрүйэ хаамсан көрдьүөттэһэ сырыттылар* [1, с. 216] ‘три дня и три ночи, / будто могучие быки в вожделинии, / настороженно кругами ходили, / друг на друга свирепо косясь’ [1, с. 217].

Отрицательная семантика быка часто наблюдается при его использовании в составе эпитета при описании камня, порога дома, гор, дороги, спускающейся в Нижний мир: *Сотууннаан өлбүт / Кур оѳус куолайын / Субуруччу бырахпыт курдук, / Субурба хаан аартык / Соѳуруу чанчыгар* [1, с. 92] ‘на южной стороне / кровавой дороги, / подобной в ряд брошенным / вытянутым пищеводам откормленных быков’ [1, с. 93]. Л. Н. Семенова считает, что эти локусы являются культурно чуждыми, опасными местами для племени *айыы аймага* [22, с. 113].

В якутском героическом эпосе бык выступает в роли ездового животного враждебных герою богатырей-*абаасы* [8, с. 18, 52, 60, 70, 114, 138, 144, 147, 155, 161, 180, 195, 203, 277]. В верхоянской локальной традиции противники прибывают верхом на олене, в силу того, что на Крайнем Севере широко распространено оленеводчество, и это нашло отражение в олонхо [4]. Следует отметить, в быту северные якуты иногда используют оленя, однако олень все же считается у них «не своим» животным. Бык не умеет говорить и советовать своему хозяину в отличие от коня. Иногда быки вместе со слугами противника нападают на героя [8, с. 218, 226; 23, с. 79–80].

С. В. Костырко обратил внимание на то, что при характеристике такого быка в олонхо используются определения со словами *өлүү* («смерть», «болезнь», «беда», «несчастья»), *өлөр өлүү* («ад», «геенна огненная», дословно – «смертная смерть») [23, с. 88]. Кроме того, добавляют еще эпитет *көй дуолан*, что означает «очень огромный, сильный» [24, с. 190–191; 25, с. 228]. Таким образом, семантика быка в якутском эпосе связана со смертью. Такая коннотация опирается на использование быка в погребальном обряде якутов, когда «покойника к месту захоронения якуты доставляли в санях, запряженных быком» [23, с. 89]. Крупный рогатый скот также использовали при жертвоприношении духам. Так, А. А. Попов описал проведение обряда «Камлание над молодым шаманом», где покровителю кузнецов Кыдай Махсыну, обитающему в подземном мире, приносили в качестве жертвы корову или быка трех лет [26, с. 369–382].

Упоминается также, что такой смертоносный, огромный, могучий бык принадлежит властелину Нижнего мира Арсан Дуолаю [27, с. 37]. В фольклоре алтайцев *бука* (бык) является мифическим хтоническим животным, созданным правителем Нижнего мира Эрликом, на котором ездит сам Эрлик, семиголовое чудовище Дьелбеген, богатыри подземного мира [28, с. 314]. Помимо этого, по представлениям алтайцев, Эрлик создал еще и верблюда [29, с. 422]. А в якутском эпосе богатырь *абаасы* иногда ездит и на коне по кличке Хоро Тэбизн (букв. «хоринский верблюд»), указывающей на горбатость этого коня [30, с. 143]. Такая схожесть говорит о том, что образы быка и верблюда имеют очень древние мифологические корни, восходящие к общей пратюркской основе.

Процесс «приближения» быка к племени *айыы* начинается с небольших изменений в канонической системе образов. Так, в олонхо «Богатырь Одун Чуураа» С. С. Афанасьева из Сунтарского улуса говорится, что напротив дома на коновязи привязана прекрасная белая лошадь, а позади дома стоят коновязи, к которым привязаны три огненно-рыжих быка; на этих быках богатырь Одун Чуураа ездил по дорогам *абаасы* [8, с. 182]. На этот раз применяется семантическая оппозиция коня и быка как ездовых животных главного героя, т. е. если изначально они принадлежали разным хозяевам (богатырю *айыы* и богатырю *абаасы*), то в олонхо «Богатырь Одун Чуураа» – у них один хозяин.

Иногда богатырь *айыы* сам превращается в громадного быка и дерется с противниками. Так, в олонхо «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох» («Многострадальный Муж-Одиночка»), опубликованном В. Л. Приклонским в 1890 г., герой спускается в Нижний мир и превращается в огромного быка, «длиной в семьдесят сажен, с рогами в тридцать сажен» [8, с. 83]. В этом облике он вступает в борьбу со старухой Тимир Бэгийдээн. В следующем одноименном тексте (видимо, второй вариант олонхо) Эр Соготох также превращается в быка и дерется с шаманкой Тимир Бэгийдээн, затем снимает с себя бычью шкуру и набрасывает на старуху, тем самым превращает ее в семидесятисаженного железного быка, и едет дальше на этом быке [8, с. 89]. При этом есть одна особенность: когда богатырь принимает облик быка, он умеет говорить и петь на человеческом языке, а когда старуху *абаасы* Тимир Бэгийдээн превращают в быка, то используют его как ездовое животное, не умеющее говорить.

Как видно, именно здесь происходит значительный сдвиг в традиционном образе быка в олонхо. Богатырь *айыы* уже не только ездит на быках, но и обладает способностью превращаться в громадного быка, чтобы победить своих противников. В устной традиции якутов имеется много легенд о шаманах, которые дерутся в облике быков. Вероятно, этот момент нашел свое отражение в якутском эпосе, постепенно меняя образ быка в олонхо. А. П. Решетникова также придерживается аналогичного мнения: «В целом битвы участников олонхо в трансформированном виде напоминают мифические бои шаманов, когда люди “видят” их борющимися между собой в образах бодающихся быков» [30, с. 170].

Трансформация образа быка-богатыря в олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар»

Значительная трансформация образа быка обнаруживается в олонхо виллюйского сказителя С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар», которое было записано в 1938 г. Виллюйской экспеди-

цией. Н. В. Емельянов относит этот текст к группе сюжетов о родоначальниках *ураангхай-саха*, выделяя при этом подгруппу «Родоначальник и его чудесный сын-бык» [31, с. 112–137]. Сюжетная структура данного сказания состоит из двух частей, из которых первая представляет богатырскую биографию Тонг Саара, а вторая – его сыновей.

Следует отметить, что здесь богатыри первого и второго поколения относятся к разным типам героев. Так, богатырь Тонг Саар относится к типу одиноких героев, как и Эр Соготох, он не владеет информацией о своем происхождении и отправляется в путь, чтобы найти свою суженую. В начале повествования его описывают как молодого человека в расцвете сил, затем после рождения первого сына – богатыря Юрюнг Кыыртай – он мгновенно стареет. Вернувшись на родину, Тонг Саар занимается только охотой недалеко от дома.

Во второй части эпического повествования говорится о подвигах сыновей Тонг Саара – богатыря Юрюнг Кыыртай и чудесного быка Сююлэлджин Боотура. Если старший сын рождается во время погони за тунгусским богатырем Арджамаан-Джарджамааном, похитившим жену Тонг Саара, то Айталын Куо рождает второго сына уже на родине своего мужа. Перед родами ей снится вещий сон о рождении странного ребенка, которому удастся ускользнуть от их рук. Затем сыновья возвращаются к матери и просят ее наречь их и дать благословение. Быка нарекают именем Сююлэлджин Боотур, вероятно, означающим «огромный, возбужденный» (*сүүл* – «быть готовым к соитию, возбуждаться (о самцах диких, домашних животных, птиц)» [32, с. 320]). У С. Н. Каратаева также имеется олонхо под названием «Сююлэлджин Боотур» [33]. Однако в этом тексте герой предстает в человеческом облике, никакой зооморфной внешностью не обладает. Бык Сююлэлджин Боотур играет роль помощника своего брата Юрюнг Кыыртай, указывая ему дорогу, суженую, одолевая богатырей *абаасы*, претендующих на руку девушки *айыы*.

Несмотря на то, что бык выполняет функцию помощника, брата главного героя, при его характеристике использован традиционный эпитет *өлөр өлүү көй дуолан обуһа* [7, с. 177] ‘огромный, могучий бык смерти’ [пер. автора]. В текстах олонхо сказителей из соседнего Верхневилуйского улуса (района) Ф. Н. Тимофеева – Биэчэрэ, Н. С. Александрова – Ынта Никиитэ, современников С. Н. Каратаева, употреблено аналогичное описание ездовых быков *абаасы*. Таким образом, олонхосут С. Н. Каратаев, хоть и трансформировал образ быка, знает традиционную семантику этого животного в олонхо, и при его описании применил эпитет, следуя канонам эпической традиции. Соответственно можно говорить о большой жизнеспособности, сохранности эпических формул, общих мест, которые несмотря на изменения семантики, функции образа, сохраняют свою изначальную форму.

Н. В. Емельянов обратил внимание на то, что только в олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» зооморфный представитель племени *айыы аймага* не меняет свою внешность, а в остальных текстах иногда встречаются орнитоморфные богатыри, которые впоследствии принимают человеческий облик [31, с. 136]. Так, в олонхо «Богатырка Кыыс Джуурая» Г. В. Дуякова сын богатырки рождается птицей, затем после перерождения в Верхнем мире превращается в человека [34]. Однако в сказании «Киндэли Хатыас» Н. Д. Прокопьева из Олекминского района также повествуется о драконоподобном богатыре Миндиэбэтэр, который так и остается в первоначальном облике [3]. Драконоподобный богатырь Миндиэбэтэр также, как и Сююлэлджин Боотур, играет роль помощника своего брата.

Безусловно, в олонхо герой способен на разные перевоплощения (обычно в птиц) во время своего богатырского похода или поединка. Однако он имеет антропоморфный вид на протяжении всего произведения. Почему рождаются богатыри в зоо/орнитоморфном (неантропоморфном) виде? Образы быка, птицы, дракона объединяет то, что их зачатие и рождение происходит в необычных, экстремальных, неблагоприятных условиях, вне брака. Например, в олонхо «Богатырка Кыыс Джуурая» богатырь Тура Дохсун насилует свою несостоявшуюся невесту – богатырку Кыыс Джуурая, и во время их битвы рождается мальчик-птица Кётёр Мёнгюл. А в олон-

хо «Киндэли Хатыас» упоминается, что богатыря Миндиэбэтэр зачали до женитьбы, и, когда он родился, закопали, чтобы не нарушил покой Среднего мира своим буйным нравом [3, с. 70–73].

Бык в олонхо «Богатырь Тонг Саар» рождается по приезду на родину отца. Большой интерес представляет диалог между Тонг Сааром и его женой Айталын Куо после вещего сна о рождении нечеловека, когда Тонг Саар вскользь обвиняет жену за связь с тунгусским богатырем, который до этого ее похищал: *Ардьамаан буоллаҕа диш, / Үчүгэй киһи* [7, с. 129] ‘Это все – Арджамаан, / «Хороший» человек’ [пер. автора]. Можно предположить, что бык Сююлэлджин Боотур вовсе даже не сын богатыря Тонг Саара, а сын Арджамаан-Джарджамаана, похитившего его мать. Однако нигде в тексте об этом не говорится. Описание отношений между богатырем Тонг Сааром и Сююлэлджин Боотуром также отсутствует. Эта недоговоренность об истинном отцовстве наталкивает читателя/слушателя на разные мысли, в т. ч. косвенно объясняет причину возникновения зооморфного вида у представителя племени *айыы аймага*.

Такие зоо/орнитоморфные дети героев находятся в промежуточной прослойке, как и образ полуайыы-полуабаасы Харыаджылаан Бэргэна из олонхо «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева [6]. Поэтому в таком виде им недоступны многие блага Срединного мира, как женитьба, обзаведение потомством и владение богатством, т. е. они не могут стать главными героями олонхо. Чтобы преодолеть это препятствие, некоторые вынуждены заново переродиться. Как считает В. М. Никифоров, непримиримые отношения между племенами *айыы* и *абаасы* выражают «племенной эгоцентризм» носителей олонхо [35, с. 113]. В период угасания эпосотворчества принцип такого строгого разделения персонажей несколько теряет свою силу, и сказители иногда могли отступить от канонов.

В конце XX в. появилось авторское произведение на основе олонхо «Оҕо Оҕус» («Бык-Ребенок») Дмитриева Ахмета Андреевича из Нюрбинского улуса, где традиционная мифологическая семантика образа быка полностью утрачивается. Причину выбора такого зооморфного героя автор А. А. Дмитриев объясняет тем, что бык является домашним животным, существенно облегчающим быт якутов¹.

Заключение

Таким образом, традиционная семантика образа быка в якутском фольклоре, в т. ч. героическом эпосе, выражает в основном отрицательные коннотации, относящиеся к *абаасы* – враждебным существам для людского племени. Однако со временем начали появляться некоторые изменения, трансформации в образе быка, связанные с локальными особенностями, угасанием эпической традиции, сильным влиянием шаманизма, усилением импровизации у отдельных сказителей и др. Как показывает проведенное исследование, этот процесс происходил постепенно, начиная с того, что в некоторых эпических текстах бык выступает ездовым животным богатыря из племени *айыы аймага*, главный герой превращается в быка и, наконец, богатырь рождается в облике быка. Выявлено, что зоо/орнитоморфные богатыри из племени *айыы аймага*, зачатые и рожденные в необычных условиях, находятся в промежуточной прослойке образов и лишены многих привилегий, доступных главным героям. Установлено, что в некоторых авторских произведениях на основе олонхо традиционная фольклорная семантика быка полностью меняется, уступая рациональному, бытовому видению мира. Перспектива данного исследования видится в дальнейшем изучении семантики других зоо/орнитоморфных персонажей олонхо с привлечением более широкого материала.

Литература

1. Кыыс Дэбилийэ : Якутский героический эпос. – Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На якутском и рус. яз.)

¹ Полевые материалы автора.

2. Образцы народной литературы якутов. Т. 1. Вып. 2 / издаваемые под редакцией Э. К. Пекарского. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1908. – С. 81–194.
3. Прокопьев Н. Д. Киндэли Хатыас : олонхо. – Дьокуускай : Алаас, 2021. – 198 с. (На якутском яз.)
4. Томская Д. А. Хаан Илбистээн бухатыыр; Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор, Элгээн Ийэйхсит эмээхсин : олонхолор. – Дьокуускай : Алаас, 2016. – 128 с. (На якутском яз.)
5. Шараборин М. Т. – Кумаарап. Куллуйа Куллуустуур ; Турбутунан төрөөбүт Дуо бухатыыр : олонхолор. – Дьокуускай : Алаас, 2020. – 720 с. (На якутском яз.)
6. Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На якутском и рус. яз.)
7. Каратаев С. Н. Тоҥ Саар бухатыыр : олонхо. – Дьокуускай : Бичик, 2004. – 237 с. (На якутском яз.)
8. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва : Наука, 1980. – 375 с.
9. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. Т. VII (Буквы Нь, О, Ө, П) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 519 с. (На якутском и рус. яз.)
10. Саха таабырыннара = Якутские загадки / составитель С. П. Ойунская. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1975. – 374 с. (На якутском и рус. яз.)
11. Габышева Л. Л. Слово о контексте мифопоэтической картины мира. – Москва : РГГУ, 2003. – 192 с.
12. Васильева О. В., Кузьмина А. А., Федорова А. Р. Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 194–210. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210.
13. Макаров С. С. Хозяин холода и дух озер: водяные быки в якутской мифологии // Фолклористика. – 2017. – № 2/2. – С. 11–25.
14. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 402 с.
15. Макаров С. С. Поэтика якутских олонхо: единицы и уровни лексической стереотипии : дис. ... к. филол. н. – Москва, 2019. – 363 с.
16. Костырко В. С. Оппозиция конный скот/рогатый скот и якутский мифологический пантеон [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (дата обращения : 01.10.2022).
17. Мифологический словарь / главный редактор Е. М. Мелетинский. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
18. Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск : Наука, 2008. – 296 с.
19. Павлов Е. В. Семантика религиозно-мифологического образа Буха-нойона: К проблеме происхождения культа териоморфного предка булагатов : дис. ... к. и. н. – Улан-Удэ, 2000. – 253 с.
20. Васильева А. П. Концепт «сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов: ассоциативно-вербальная сеть // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 4. – С. 76–82.
21. Васильева А. П. Репрезентация образа коня/лошади в традиционной культуре якутов // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2013. – Т. 10. – № 5. – С. 141–146.
22. Семенова Л. Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо) : дис. ... к. культурологии. – Москва, 2000. – 160 с.
23. Костырко В. С. Конь и бык в героическом эпосе и обрядах жизненного цикла якутов // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири : сборник статей / составитель О. Б. Христофорова. – Москва : РГГУ, 2008. – С. 73–93.
24. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта : в 15 т. Т. III (Буквы Г, Д, Дь, И) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 844 с. (На якутском и рус. яз.)
25. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. Т. IV (Буква К) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – 672 с. (На якутском и рус. яз.)
26. Попов А. А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа (Тексты) : 2-е изд. – Новосибирск : Наука, 2008. – 464 с.
27. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1929. – 226 с.

28. Мифологический словарь алтайцев / составитель Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. – 600 с.
29. Ойноткинова Н. Р. Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. – 620 с.
30. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. – Якутск : Бичик, 2005. – 408 с.
31. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – Москва : Наука, 1990. – 207 с.
32. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. Т. IX (Буква С : сөллөй – сээн, буква Н) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с. (На якутском и рус. яз.)
33. Каратаев С. Н. Сүүлэлдьин Боотур. – Дьокуускай : Цумори пресс, 2011. – 122 с. (На якутском яз.)
34. Дуяков Г. В. Кыыс Дьуурайа бухатыыр : [олонхо]. – Дьокуускай : Бичик, 2011. – 288 с. (На якутском яз.)
35. Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. – Новосибирск : Наука, 2002. – 208 с.

References

1. Kyys Debiliye: Yakut heroic epic. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 330 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East). (In Yakut and Rus.)
2. Samples of folk literature of the Yakuts. Vol. 1, iss. 2. Ed. by E. K. Pekarsky. Saint Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1908, pp. 81–194. (In Rus.)
3. Prokopiev N. D. Kindeli Khatyas: olonkho. Yakutsk, Alaas Publ., 2021, 198 p. (In Yakut)
4. Tomskaya D. A. Bogatyr Khaan Ilbisteen; Old man Kemyus Mekyulyukeen, old woman Elgeen Ieyekhсит: olonkho. Yakutsk, Alaas Publ., 2016, 128 p. (In Yakut)
5. Sharaborin M. T. – Kumaarap. Kulluya Kullustuur; Born standing hero Duo: olonkho. Yakutsk, Alaas Publ., 2020, 720 p. (In Yakut)
6. Yakut heroic epic. “Mighty Er Sogotokh”. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 440 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East). (In Yakut and Rus.)
7. Karataev S. N. Bogatyr Tong Saar: olonkho. Yakutsk, Bichik Publ., 2004, 237 p. (In Yakut)
8. Emelyanov N. V. Plots of the Yakut olonkho. Moscow, Nauka Publ., 1980, 375 p. (In Rus.)
9. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. VII (Letters N, O, Ø, P). Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 519 p. (In Yakut and Rus.)
10. Yakut riddles. Compiler S. P. Oyunskeya. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1975, 374 p. (In Yakut and Rus.)
11. Gabysheva L. L. A word about the context of the mythopoetic picture of the world. Moscow, RSUH Publ., 2003, 192 p. (In Rus.)
12. Vasilieva O. V., Kuzmina A. A., Fedorova A. R. Imagination of the North in the context of the development of the natural environment: the mammoth in the mythological representations of the Yakuts. *Nauchnyi dialog*. 2021, no. 1, pp. 194–210. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210. (In Rus.)
13. Makarov S. S. The owner of the cold and the spirit of the lakes: water bulls in Yakut mythology. *Folkloristika*. 2017, no. 2/2, pp. 11–25. (In Rus.)
14. Ergis G. U. Essays on Yakut folklore. Moscow, Nauka Publ., 1974, 402 p. (In Rus.)
15. Makarov S. S. Poetics of the Yakut olonkho: units and levels of lexical stereotypy. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2019, 363 p. (In Rus.)
16. Kostyrko V. S. The Horse/Cattle opposition and the Yakut mythological pantheon [Web resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (accessed October 1, 2022). (In Rus.)
17. Mythological dictionary. Chief editor E. M. Meletinsky. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1990, 672 p. (In Rus.)
18. Bravina R. I., Popov V. V. Funeral and memorial rites of the Yakuts: monuments and traditions (XV–XIX centuries). Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 296 p. (In Rus.)
19. Pavlov E. V. Semantics of the religious-mythological image of Bukha-Noyon: On the problem of the origin of the cult of the theriomorphic ancestor of the Bulagats. Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Ulan-Ude, 2000, 253 p. (In Rus.)

20. Vasilieva A. P. The concept of “sylgy/horse” in the linguistic consciousness of the Yakuts: an associative-verbal network. *Gumanitarnyi vektor*. 2015, no. 4, pp. 76–82. (In Rus.)
21. Vasilieva A. P. Representation of the image of a sylgy/horse in the traditional culture of the Yakuts. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2013, vol. 10, no. 5, pp. 141–146. (In Rus.)
22. Semenova L. N. Semantics of epic space and its role in plot formation (based on the Yakut epic olonkho). Dissertation of Candidate of Culturology. Moscow, 2000, 160 p. (In Rus.)
23. Kostyrko V. S. Horse and bull in the heroic epic and rituals of the life cycle of the Yakuts. In: Myth, symbol, ritual. Peoples of Siberia: collected articles. Compiler O. B. Khristoforova. Moscow, RSUH Publ., 2008, pp. 73–93. (In Rus.)
24. Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. I (Letters G, D, D', I). Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 844 p. (In Yakut and Rus.)
25. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. IV (Letter K). Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007, 672 p. (In Yakut and Rus.)
26. Popov A. A. Shaman rituals of the former Vilyui district (Texts). 2nd ed. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 464 p. (In Rus.)
27. Yastremsky S. V. Samples of folk literature of the Yakuts. Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1929, 226 p. (In Rus.)
28. Mythological dictionary of the Altaians. Compiler N. R. Oinotkinova. Novosibirsk, NSY Publ., 2021, 600 p. (In Rus.)
29. Oinotkinova N. R. Mythological picture of the world of the Altaians: concepts, motifs, plots. Novosibirsk, NSY Publ., 2021, 620 p. (In Rus.)
30. Reshetnikova A. P. Fund of plot motifs and olonkho music in an ethnographic context. Yakutsk, Bichik Publ., 2005, 408 p. (In Rus.)
31. Emelyanov N. V. Plots of olonkho about the ancestors of the tribe. Moscow, Nauka Publ., 1990, 207 p. (In Rus.)
32. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. IX (Letters S, h). Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 630 p. (In Yakut and Rus.)
33. Karataev S. N. Syuyuleldzhin Bootur. Yakutsk, Tsumori Press Publ., 2011, 122 p. (In Yakut)
34. Duyakov G. V. Hero-woman Kyys Dzhuuraya. Yakutsk, Bichik Publ., 2011, 288 p. (In Yakut)
35. Nikiforov V. M. Stages of epic collisions in olonkho: Forms of folklore and book transformation. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 208 p. (In Rus.)